

Но это уже была большая милость со стороны М. Соловьева и его товарищей, что онъ признавалъ хоть прежнія картины Рѣпина чего-нибудь стоящими. Много есть ретроградовъ одинаковаго пошиба съ гг. Соловьевымъ, Васильевымъ, писателями „Спб. Вѣдомостей“ и „Гражданина“, которые всегда находили и эти прежнія картины Рѣпина, еще никѣмъ не признанныя за „тенденціозныя“, антипатичными, анти-художественными, достойными презрѣнія. Литературный критикъ „Новаго Времени“, вздумалъ однажды писать и объ искусствѣ. Онъ съ ревностью вступился за Брюллова противъ тѣхъ, кто доказывалъ его пустоту, ложь, гниль, холодъ, безсердечіе и условность, — и увѣрялъ, точно будто ничего не читавши и не видавши, что Брюлловъ, если и грѣшитъ чѣмъ, то развѣ тѣмъ, что онъ — романтикъ и художникъ одного направленія и характера съ Викторомъ Гюгô! Этимъ, конечно, г. Буренинъ только доказывалъ, что ровно ничего не способенъ понимать ни въ Брюлловѣ, ни въ В. Гюгô, и никогда не въ состояніи былъ уразумѣть, какъ великъ этотъ послѣдній, и мыслью, и чувствомъ, не взирая на одолюющую его иногда риторичность и надутость, какъ глубоко то содержаніе, которое онъ вкладывалъ въ свои произведенія, — и вмѣстѣ не способенъ былъ уразумѣть всего ничтожества и дрянности обычнаго содержанія у Брюллова, всей „академичности“ его склада и направленія (какъ это давно уже и признала вся Европа). И вотъ этакій-то знатокъ и пониматель искусства выступилъ передъ петербургской публикой, для того, чтобъ оповѣстить всѣхъ, что „теперешніе русскіе художники и живописи, и слова, и звуковъ чаще всего производятъ уродливыя и безжизненные произведенія“ („Новое Время“, 1883, № 2, 580), и это, „право, большой еще вопросъ: лучше ли для русскаго искусства, что прежде его „торжествующею пѣснью“ было, наприм., изображеніе въ „Послѣднемъ днѣ Помпеи“ женщины, упавшей съ колесницы, а теперь его „торжествующею пѣснью“ является угреватый, пропитанный спиртомъ носъ „Протодіакона“ Рѣпина?“ (Новое Время, 1882, № 2, 410). Читатель понимаетъ, что подъ видомъ „Протодіаконскаго носа“ остроумно олицетворено все новое реальное искусство, но, конечно, наврядъ ли онъ пойметъ, почему это такъ, и почему такая невообразимая чепуха можетъ укладываться въ человѣческой головѣ? Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что во всей великолѣпной картинѣ „Протодіаконъ“, по силѣ и выраженію достойной Рубенса, такую и признаваемой на Западѣ, критикъ ничего не увидаль и ничего не понялъ кромѣ носа, а потому и повторялъ, по